

МИФЫ МАЙЯ
ОТ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
И СВЯЩЕННОГО КАКАО
ДО КНИГИ «ПОПОЛЬ-ВУХ»
И ПОДЗЕМНОГО ЦАРСТВА
ШИБАЛЬБЫ

ГАЛИНА ЕРШОВА

МИО

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Как появляются мифы 7

Глава 1

Майя: от начала до конца света 53

Глава 2

Сотворение мира 79

Глава 3

Человек: плоть и кровь, маис и какао.

Мировое древо 115

Глава 4

Тварный мир 153

Глава 5

Пернатый Змей и его ипостаси 185

Глава 6

Таинственные нагуали
и прочие мелкие бесы 213

Глава 7

Пещеры и их обитатели 259

Глава 8

Посланники к божественным
предкам 287

Глава 9

Через пещеры к звездам:
реинкарнация 313

Заключение 351

Глоссарий 353

Библиография 363

Источники иллюстраций 367

Введение КАК ПОЯВЛЯЮТСЯ МИФЫ

МИФЫ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Хорошо известно, что в Европе обязательный набор занятий культурного человека включал зазубривание греческих мифов, чередовавшихся с древнеримскими. Так в западном коллективном представлении о культуре сохранялся древний подход к точной передаче знаний, которые даже на рубеже нашей эры уже воспринимались как оторванные от реальности рассказы, где героями становились многочисленные фантастические существа. Их традиционно так и называли «героями», иногда пытаясь привязать к окружающей действительности и отдельным законам природы. Причинно-следственные связи чаще всего были крайне условны, что со временем и привело к выводам о «мифологическом мышлении» древнего человека.

Тем не менее каждый из нас прошел свой «мифологический период». В раннем детстве, с понимания первых слов, ребенок с упоением погружается в пространство сказочного мира, который ему становится близок, понятен, радостен и бесконечно дорог до конца жизни. Обычные «разговоры» младенца с родителями очень долго продолжают оставаться всего лишь названием предметов и выражением желаний. И только *текст* сказки погружает ребенка в удивительное целостное пространство, где каждая вещь обретает свой смысл. Реальное и ирреальное переплетаются причудливым образом — но дети быстро научаются понимать разницу и удивительно тонко на самом деле ощущают грань между событиями настоящей жизни и «ненастоящей». Незатейливые ситуации вокруг сказочных героев объясняют

ребенку важные правила. По ним маленький человек входит в общество и строит отношения с другими людьми. Обучается понимать, казалось бы, такие разные и сложные вещи, как правила поведения, запреты, мораль, справедливость, трудолюбие, героизм, самопожертвование, честность, вера, смысл жизни, доброта, любовь, долг, служение обществу. И, кстати, очень быстро ребенок начинает замечать чуждое ему в «чужих» мифах или в неких авторских интерпретациях мифологических текстов. Чуждое — это то, что противоречит «своей» картине мира, складывающейся с первыми воспринятыми целостными сюжетами, которые и формируют полноценное мышление. Неслучайно ребенок запоминает сказочные тексты до малейших деталей и просит повторять особенно значимые для него фрагменты. И обязательно поправляет оговорки рассказчика, а также со временем пытается исправить негативные ситуации с позиции уже своих собственных, приобретенных знаний.

Именно этот теплый мир глубинного опыта, завещанного многими поколениями предков в бесконечных сказках и мифах, формирует в человеке то, что становится культурным кодом народа.

С точки зрения научного понимания этого процесса речь идет о становлении левополушарного мышления. Оно эволюционно молодое и развивается у ребенка только под влиянием окружения. Вячеслав Всеволодович Иванов, подмечая «социальную» функцию левого полушария, писал: «Если правое полушарие мозга с раннего детства связывает человека с внешним миром, то левое облегчает ему быстрое вхождение в то общество, в котором он живет. Более того, левое полушарие можно в известной мере считать представителем этого общества в нейропсихологической структуре личности. В этом полушарии закреплена родная язык человека и его внутренняя словесная речь, на этом языке основанная. <...> Иначе говоря, в левом полушарии находятся те обусловленные культурно и исторически программы

Русский ученый Ю. В. Кнорозов, дешифровавший в середине XX в. иероглифическую письменность древних майя

поведения, которые общество вводит в человека»^{*}. И не будет преувеличением заметить, что именно миф с самого раннего детства формирует его личность.

Возможно, поэтому миф долгое время никак не вписывался в науку, продолжая считаться некой культурной данностью, которую лишь следовало отделить от официальной религии. И только со становлением гуманитарных наук в XVIII в., когда начали выделять различные направления научных знаний, миф оказался в сфере интересов ученых. И неслучайно. Происходят открытия, трансформируются религии и идеологии, меняется жизнь. При этом миф, архаически неизменный и современный, сочетающий несочетаемое, мистический и приземленный, понятный и необъяснимый, остается неотъемлемой частью культуры каждого человека, живущего в обществе.

В системе европейского миропознания мифология вплоть до окончания Средневековья была неотделима от религии. Однако

^{*} Иванов В. В. Чет и нечет. а симметрия знаковых систем. М., 1978.

уже Джамбаттиста Вико, автор вышедшего в 1725 г. труда под названием «Основания новой Науки об общей природе наций», задумался о сущности мифа. Именно он первым заговорил об особенностях, характерных для мышления древнего человека. И совершенно логично сравнил этот тип умозаключений с мышлением ребенка, более чем на век опередив биолога Эрнста Геккеля. Тот же, будучи дарвинистом, в 1864 г., по сути, завершил формулировку «закона рекапитуляции», согласно которому историческое развитие вида отражается в истории его индивидуального развития.

Однако, каким бы ни было «мифологическое мышление», очевидно, что оно подводило события мифов к созданию некой не очень логичной, с точки зрения современного человека, картины мира. Особое значение придавалось мифам космогоническим, то есть тем, что концентрировались на создании мира, с переменным успехом заселяемого людьми.

Миф, отражая определенную и постоянно устаревающую модель мира, со временем становится менее понятным с точки

Глиняная голова с двумя одинаковыми лицами. Гватемальское нагорье, раннеклассический период. Частная коллекция «Сан-Хорхе». Фото Г. Борисовой

зрения носителей «прогрессивного» знания. Это уже в XIX веке подметил Макс Мюллер — европейский филолог, сторонник натуралистического языкознания. Он даже создал вполне логичную концепцию «болезни языка»: согласно ей, первобытный человек выражал абстрактные понятия через метафорические эпитеты. При этом, когда система образов устаревала, первоначальный смысл метафор забывался или вовсе не понимался. Тогда текст и обретал свойство «мифа», то есть становился условным объяснением некогда всем понятных, но уже забытых явлений.

Еще один исследователь мифологии, французский антрополог и философ люсьен леви-Брюль, исходил из собственного видения, деля все культурно-исторические явления на «понятные» и «непонятные», «естественные» и «сверхъестественные». Подобный взгляд, конечно же, в первую очередь приходит в голову всякому, кто пытается объяснить содержание мифа. Исследователи XX века торжественно пришли к толерантному, но малопонятному мнению о том, что мифотворчество — древнейшая форма, своего рода «символический язык», в терминах которого человек моделировал, классифицировал и объяснял мир, общество и самого себя. Неслучайно «мифологическая» картина мира предшествовала, а то и совпадала с ранней религиозной.

Однако возникали и другие мнения. Этнограф джеймс фрэзер, публикуя в 1890 г. знаменитую работу «Золотая ветвь: исследование магии и религии», сделал упор на то, чтобы установить аналогии между явлениями, существующими в совершенно разных культурах и на весьма удаленных и изолированных одна от другой территориях. Как бы то ни было, связь основ мифологических построений и религиозного поведения с психикой человека представлялась очевидной уже в XIX веке.

По той же причине в 1900 г. русский этнограф лев Штернберг, открывший миру явление шаманизма, отмечал: «Сравнительное изучение религии (вернее, наука о религии) — позитивная наука, занимающаяся историей эволюции религиозных явлений

в связи с другими факторами психической и социальной жизни человечества. Главные науки, из которых наука о религии черпает материал для своих исследований, — история религий, история культуры, этнография, антропология и социология. Метод ее — метод точных наук: индукция с последующим конструктивным синтезом, приводящим к установлению законов, общих принципов и феноменологии религиозных явлений»^{*}. Примечательно, что Штернберг был, пожалуй, первым, кто оценил глубину и сложность духовных представлений «даже низших племен». Он полагал, что эти верования «настолько сложны и представляют такую цельную и глубокую систему, возникшую путем сложной работы мысли, что о *первичности* их, если судить по аналогии с медленным прогрессом мысли в других областях культуры, и речи быть не может»^{**}.

а Карл Юнг, публикуя в 1937 г. лекции под названием «Психология и религия»^{***}, уже совершенно официально привлек к своим исследованиям описания д-ра Фрэзера и других этнографов. Понять проблемы современной ему психиатрии было невозможно, не задействовав такие области знания, как антропология, мифология и религиоведение.

Самый верный рациональный путь к решению этих универсальных и, главное, всем интересных загадок предложил гениальный русский ученый Юрий Валентинович Кнорозов, дешифровавший в середине прошлого века иероглифическую письменность древних майя. Во всех своих открытиях Кнорозов, начиная с 1950-х гг., уже использовал междисциплинарный подход, сочетавший системный анализ, методы истории, психофизиологии, биологии, кибернетику (то, что сейчас торжественно именуют «искусственным интеллектом»), психиатрию и многое

^{*} Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции. М., 2018.

^{**} Там же.

^{***} Юнг К. Г. Психология и религия. М., 1991.

В представлениях майя умерший оказывается в пещере — преисподней, где «высвобождается» его бессмертная душа. Она-то и представлялась в виде «мертвого глаза» или «лика» покойника. Сцена высвобождения души в Мадридском кодексе, с. 34

другое. Миф для Кнорозова тоже стал своеобразной системой, в которой не могло быть случайных компонентов.

Кнорозов, следуя позиции Штернберга, создавал собственную теорию культурно-исторического развития, где за основу взял эволюцию коммуникации. Мифы и религиозные практики, в его понимании, выступают способами передачи информации. а конечной задачей было то, чтобы коллектив реализовал общую цель. Таким образом, создавалось единое информационное пространство, отражавшее представление о мире, а также о том, какое место в нем занимают сами носители информации. Чтобы она выглядела убедительно и закреплялась, использовались мнемонические приемы, гипнотические практики и, прежде всего, фасцинация (завораживание)*. Особое место Кнорозов отводил личности того, кто генерирует важную информацию и, по всей

* По ю .В. Кнорозову, фасцинация — эффект, который информация может оказать на поведение; «такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается».

видимости, составляет мифологические тексты. По его определению, этим занимался «специальный контингент» — шаман, жрец и т. д.

КОГДА И ЗАЧЕМ ПОЯВЛЯЮТСЯ МИФЫ?

Итак, все упомянутые подходы подводят к интересному и непростому вопросу: о каких временах мы можем говорить, рассуждая о мифах? То есть: когда мы даем «переоценку» актуальности текста и когда он превращается в миф? Ведь очевидно, что речь идет вовсе не о хорошо известном периоде «мифов древней Греции», которые зазубривались европейцами как обязательная часть образования. И даже не о «индоевропейских истоках» евразийских культурных явлений — к тем автоматически сводят все необъяснимое в качестве истины, не требующей доказательств. Все гораздо древнее, сложнее и на самом деле увлекательнее.

С формальной точки зрения мифы, по сути, — разрозненные тексты, описывающие картину мира, начиная со времен возникновения человеческого сообщества. Постепенно эти сведения о мире и о себе систематизируются, обретая форму религий, которые, особенно на ранних этапах, тоже крайне схожи между собой. Тем не менее в науке обычно отделяют мифы с их разрозненным и на первый взгляд невзаимосвязанным набором сюжетов от более или менее целостных религиозных систем, где присутствует определенная, хотя и очень условная, логика. При этом древние религиозные системы в обязательном порядке включают в себя множество разновременных мифов. Для примера достаточно обратиться к Ветхому Завету, собравшему ближневосточные мифы разных времен и народов, которые кочуют, в свою очередь, от иудейской религии до христианства и ислама.

Истоки мифов и религиозного сознания относятся к мустьерскому периоду^{*}, когда только происходило становление человека разумного. Активно развивалась речь — сложная коммуникативная деятельность, с помощью которой оказалось возможным передавать не только сиюминутную конкретику, но и универсальные абстрактные понятия. Рациональный подход к пониманию мифа предполагает, что в каждом отдельном случае коллектив создает собственный комплекс абстрактных понятий и научных знаний, отражающих то, как человек воспринимает мир, вне зависимости от региона обитания. А совпадение таких картин реальности происходит благодаря тому, что наш головной мозг изначально биологически и психически универсален. А ориентируется он на восприятие окружающей среды, выявление закономерностей, позволяющих прогнозировать собственную деятельность, а также на передачу знаний и обучение молодежи.

Проще говоря, отвечая на вопрос, когда появились мифы, следует отталкиваться от давности в 40–50 тысяч лет — тогда человек активно осваивал земные и водные пространства, у него появилась речь, произошел качественный сдвиг в его мышлении за счет бурного развития левого полушария головного мозга. Благодаря этому он смог систематизировать пространство и время, помнить прошлое и строить планы на будущее.

Первые человеческие коллективы должны были выживать в достаточно сложных природных условиях, а для этого следовало познавать мир и передавать друг другу и новым поколениям накапливающиеся знания и технологии, учиться взаимодействию, ставить общие цели и достигать их. И все эти знания и правила, описывающие мир, передавались в виде рассказов. Текст их должен был воспроизводиться предельно точно, ошибки не допускались. Совсем не случайно в некоторых древних

^{*} Смирнов Ю. А. Мустьерские погребения Евразии. М., 1991.

обществах, живших с устной традицией, такая ошибка могла караться даже смертью. От точности текста зависело выживание коллектива — для этого надо было знать законы астрономии, климата, географию, понимать принципы устройства общества. Собственно, вот почему в разных регионах Земли при возникновении государств и стало появляться письмо. Но, как ни странно, миф продолжал и продолжает существовать в любом обществе и сегодня.

Однако современный человек не всегда может увидеть реальность, скрывающуюся за мифом. Так, например, на ю катане у современных майя до сих пор есть миф о летучей Мыши. Точнее сказать, *Летучем Мыше*, ведь пол млекопитающего в данном случае имел существенное для майя значение. Суть мифа, казалось бы, совсем проста.

Пришел однажды Летучий Мыш к зверям и говорит: «Братья, я такой же, как и вы. Я вскормлен молоком матери, у меня есть причинное место, совсем как у вас. Возьмите меня к себе». На что звери отвечают ему: «О чем ты говоришь! У тебя есть крылья, и ты летаешь ночью! Ты залетаешь в пещеру и поднимаешься в небо. Ты — не наш брат!» Обратился тогда Летучий Мыш к птицам: «Птицы, смотрите, у меня есть крылья, как у вас! Я умею летать, как вы. Я — ваш брат!» На что птицы возразили: «Как ты можешь такое говорить, когда у тебя есть причинное место, как у зверей. Убирайся отсюда! Ты нам никто!» Заплакал тогда совсем грустный Летучий Мыш и повис на гнилой веревке...

На первый взгляд суть истории сводится к некоей морали — не стоит пытаться усидеть на двух стульях, а каждому сверчку следует знать свой шесток. Собственно, так этот миф и понимается современными майя. Однако в реальности ему не менее двух тысяч лет, и он не имеет ни малейшего отношения к нормам общинных взаимоотношений. В нем содержится изложение

древних астрономических знаний, согласно которым летучий Мыш — это воплощение тринадцатого зодиакального созвездия, расположенного на полосе Млечного Пути, или «Небесной веревки». Подробно речь об этом пойдет в специальном разделе. Уже пять веков как древняя астрономия майя прочно забыта. Но повествующие об астрономической картине тексты живы до сих пор и продолжают воспроизводиться в общинах майя в качестве своеобразных сказаний. И таких примеров много.

л любопытно, что в свои мифы, явно восходящие к древности, майя иногда вводят условно современных персонажей. Так, в колониальные времена появился *каштлан*, то есть кастилец (*castellano*), чужеземец, который совершает глупости, нарушает древние законы и получает наказание. Например, это происходит в другом мифе, где также фигурирует веревка.

Однажды каштлан зашел в пещеру и обнаружил там сундук. Охваченный алчностью, он открывает его и видит в нем длинную веревку, которую, конечно же, желает забрать себе. Он начинает тянуть ее, но та все не кончается и не кончается. Тогда каштлан решает забрать себе хоть часть веревки — он достает острый мачете и пытается отсечь кусок. И тут из разрубленной веревки начинает хлестать кровь, которую невозможно остановить! Каштлан в ужасе бросает все и бежит прочь из пещеры.

Забавно, что рассказчик, современный индеец майя, делает неожиданный вывод: по его мнению, речь здесь о том, что на ю катане много длинных и прямых, как веревка, шоссе, где машины сбивают людей, и те гибнут, проливая кровь. В реальности же миф излагает совершенно другой сюжет, также связанный с веревкой, но та не символизирует Млечный Путь в качестве астрономического объекта, а воплощает символ прапредков, от которых произошли люди. Млечный Путь в мифологии майя считался Творцом и двойственным прародителем.

Причем веревка выступала в качестве символа *пуповины*, по которой течет и передается потомкам кровь предков. Совершенно очевидно, что этому чрезвычайно древнему мифу, восходящему к археологическим ольмекам, явно не меньше пяти тысяч лет. Кроме того, он был еще и подправлен, но уже после конкисты — чтобы показать, что только глупый чужеземец *каштан* может совершить подобное святотатство.

МИФ ИЛИ НАУКА?

Итак, повторимся: сложные, абстрактные понятия излагались через доступную для всех систему образов и символов. Однако ясной она оставалась, лишь когда создавался текст и не слишком долго после. Со временем менялся язык, слова приобретали новые значения, появлялись новые понятия, одни образы уходили в прошлое и возникали другие. Менялись условия жизни и характер деятельности людей, что, конечно же, вносило в тексты свои коррективы. Так, старые описания мироздания постепенно превращались в почти магические заклинания и чаще всего обретали характер маловразумительной или весьма условной истории — то есть переходили в категорию так называемого «мифа». Возникали новые, более современные, тексты, которые также затем утрачивали актуальность. Поэтому «мифы», можно сказать, создаются отчасти непрерывно — даже в современной науке данные постоянно пересматриваются и уточняются, а устаревшие каноны, переходя в разряд утративших актуальность, зачастую начинают именоваться «мифами». Неслучайно уже в XIX в. большинство ученых, таких как Огюст Конт, Герберт Спенсер, Эдвард Тайлор, сходились во мнении, что философия и наука возникают из мифа.

К слову, о научных мифах. Мы ранее упоминали зодиак, а некоторые из читателей от незнания полагают, что это нечто